

УДК 738.81

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-4-88-99

Сцены насилия на расписных изразцах XVIII–XIX вв.

Ольга А. Кузнецова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, o_kuznetsova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются сюжетные сценки на гладких расписных изразцах русского производства, связанные с темой насилия. Как правило, это двухфигурные композиции, на которых вооруженный воин убивает побежденного противника. С этой темой связаны изображения одиночных фигур воинов, вооруженных мечами, саблями, шпагами, луками и пистолетами, – как конные, так и пешие. Оружие и лошадь становятся атрибутами героического сюжета. Визуальным источником для сцен насилия на изразцах в основном являются гравюры из народных Библий. Разнообразные сюжеты, от казней и попыток самоубийства до бытовых сценок мирного характера, могли интерпретироваться на печках в духе военных побед вооруженного персонажа. В качестве подписей, раскрывающих сюжет, были использованы формулы, составленные на основе эмблематических девизов; они выражают эпический вызов на поединок или ликование победителя. По тексту реплики можно понять, что главным героем, с которым мог бы солидаризироваться зритель изразца, является убийца, а не жертва. Народный интерес к хоррор-элементу и популярность героического сюжета приводят к появлению курьезных орнаментов: например, изображение воина с отрубленной головой противника.

Ключевые слова: изразец, визуальное, формула, героическое, эпическое, насилие, хоррор

Для цитирования: Кузнецова О.А. Сцены насилия на расписных изразцах XVIII–XIX вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 4. С. 88–99. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-4-88-99

© Кузнецова О.А., 2023

Scenes of violence on 18th – 19th centuries painted tiles

Olga A. Kuznetsova
*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, o_kuznetsova@mail.ru*

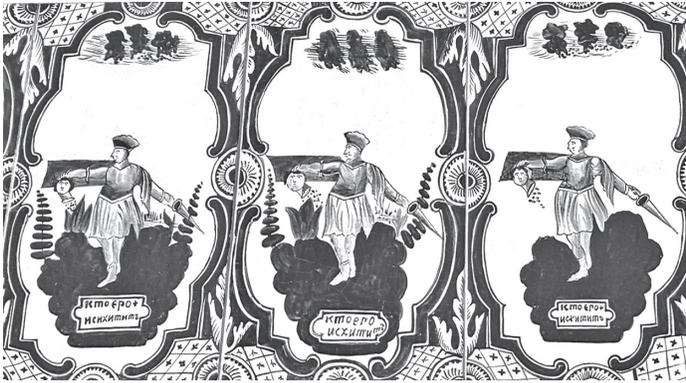
Abstract. The paper considers scenes of violence on Russian smooth painted tiles. Usually that genre scenes represent an armed warrior who kills his vanquished enemy. Related to that subject are solitary figures of mounted and foot soldiers, armed with swords, sabers, rapiers, bows and pistols. Weapons and horses became an attributes of heroic plot. The main visual source for scenes of violence on tiles was engravings from folk bibles. A variety of plots, from executions and suicide attempts to everyday scenes of a peaceful nature could be interpreted as a warrior's victory in battle. Text clichés (mottos, that were borrowed from emblematic collections) were used as signatures on tiles, what created the narrative background: challenge to a duel or victory celebration. One can understand from the text of the Motto that the protagonist with whom the viewer of the tile could solidarize is the murderer, not the victim. Popular interest in the horror element and the popularity of the heroic plot lead to the appearance of curious ornaments: for example, the image of a warrior with a severed enemy's head.

Keywords: tile, visual, cliché, heroic plots, epic, violence, horror

For citation: Kuznetsova, O.A. (2023), "Scenes of violence on 18th – 19th centuries painted tiles", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 88–99, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-4-88-99

В палатах Волковых-Юсуповых сохранилась печь, верхний ярус которой оформлен пятью довольно поздними (XIX–XX вв.) расписными изразцами с традиционной подписью «кто его исхитит» (ил. 1). Картинка в общих чертах повторяется: стоящий вполоборота человек с мечом в руке и с большим щитом, надетым на другую руку, держит за волосы отрубленную голову, из шеи брызжет кровь. Интерес к подобным натуралистическим сценам идет из Средневековья: на русских миниатюрах и в иконописи нередко изображались фрагменты человеческих тел на поле битвы или в пастях чудовищ, детально прорисовывались мучения грешников [Антонов, Майзульс 2013; Антонов, Майзульс 2020] и т. п. Существует интересный экземпляр издания басен Эзопа¹ с раскра-

¹*Aesopus. Vitae et fabulae.* [Strassburg]: [Heinrich Knoblochzer], [ca 1481]. МК РГБ. Inc. 4.338.

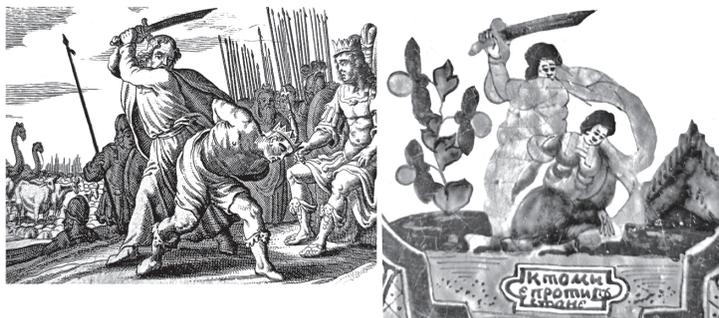

Ил. 1. Воин, держащий отрубленную голову.
Лицевые изразцы на верхнем ярусе печи.
Палаты Волковых-Юсуповых, XIX–XX вв.

шенными элементами гравюр, где в подходящих случаях красным цветом пририсованы капли крови: собака кусает человека, кот врывается в мышшь. Новое время продолжает эту традицию: известны бытовые росписи и лубочные картинки, изображающие убийство людей и антропоморфных животных. Хотя такие сюжеты нередко иносказательны, носят игровой характер в духе карнавальной культуры [Некрылова 2021, с. 35–38], все-таки они не лишены натурализма (яркий пример – освеживание **человеческой туши** на лубке «Бык не захотел быть быком»²). В петровское время «Ведомости» публиковали описания военных зверств: казней с отрубанием конечностей мирных жителей, чиновников, послов и пр. [Мальшев 2021, с. 170]. Гравюры народных Библий, на которые ориентировались художники-изразечники, тоже изобилуют подобными эпизодами: в книгах широко представлены сцены избияния младенцев, казни апостолов, баталии, поединки с обезглавливанием, самоубийства падением на меч и многое другое.

С гравюр на изразцы (скорее всего через шаблоны, спонсы) перешла сцена казни амаликитского царя Агата (1 Цар. 15:33). Как часто бывает, библейский сюжет вне контекста книги становится моделью для жанровой сцены. На ростовском изразце подпись сделана как заявление палача: «Повинен ты смерти» – такие слова

² Бык не захотел быть быком да и сделался мясником: Забавный лист из собрания РНБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012062891/ (дата обращения 12.01.2023).

Ил. 2. Фрагмент гравюры из Библии Питера Схюта (1659)
и печной изразец.
Палаты Волковых-Юсуповых, XVIII–XIX вв.

еще мог бы произнести замахнувшийся мечом Самуил³, а на более позднем и менее искусном изразце из Палат Волковых-Юсуповых убийца произносит: «Кто мне противу стане<т>?» (ил. 2). Эта реплика, опирающаяся на эмблематический девиз (по мотивам эмблемы № 214)⁴, попадает на печные изразцы в различных вариантах: «кто мне противник», «кто мне противен будет», «ищу противника себе», «кто против меня вооружит<ся>» и др. Обычно реплика принадлежит дикому зверю (медведю, льву) или, что гораздо чаще, воину – это формула вызова на поединок. То есть сцена казни превращается в расправу над соперником, который ранее был повержен по всем правилам честного боя. Текст под картинкой позволяет развернуть сюжет во времени – этот прием используется и в изразцовой культуре, и в других типах народной картинки.

Еще одна казнь, ставшая на изразцах сценой военной победы, – эпизод лишения жизни Адонии (3 Цар. 2:25). В подписи к Библии Питера Схюта⁵ именно Адония представлен как главный герой этой трагической сцены: «Адония ради прошения своего и по велению

³Макогонова М.Л. Библейская гравюра как источник изображений на расписных изразцах XVIII в. // Архитектурная керамика мира. 2022. № 7. С. 42, 44.

⁴Здесь и далее номера эмблем приводятся по амстердамскому изданию «Символы и эмблемата», оказавшему наибольшее влияние на русское искусство: *Simbola et emblemata*. Amstelaedami: Apud Henricum Wetstenium, 1705.

⁵Библия Питера Схюта (*Toneel ofte vertooch der bybelsche historien*). Амстердам: 1659. ИЗО РГБ ИЗО ЦШЗППШ.

Ил. 3. Центральная фигура с изрaccia на печи в Юрьеве-Польском (XVIII в.), фрагмент гравюры из Библии Питера Схюта (1659), центральная композиция с изрaccia на печи в Палатах Волковых-Юсуповых. XVIII–XIX вв.

брата своего Соломона смерть приемлет» (перевод голландского текста, отпечатанного на гравюре: “Adonia wert om sijn versoeck door last van sijn broeder Salomon gedoot”). В визуальном отношении довольно близкий к оригиналу изрaccine из Палат Волковых-Юсуповых изображает исполнителя приказа Ванею с мечом, занесенным над Адонией, и текстом: «Недруга побеждаю». Та же самая подпись переносится на изрaccine в Юрьеве-Польском, моделью для которого оказывается второй воин из той же сцены. Но здесь от Адонии осталась одна голова, причем она перевернута (ил. 3). Персонажи образцовых гравюр всегда приподнимают отрубленную голову за волосы, утверждая этим жестом свое превосходство [Пасквинелли 2009, с. 83–84].

На изрaccine печи ГИМ (103797/762) изображено, как царь удерживает руку воина, пытающегося извлечь меч из ножен. Сцена сопровождается канонической подписью «нести мира между нами» – обычно она относится к враждующим животным (по мотивам эмблемы № 305) или бытовым ситуациям с участием людей, житейским спорам. В качестве визуальной основы для изрaccine ГИМ использован фрагмент гравюры одной из народных Библий (соответствующая сцена есть в Библиях Питера Схюта и Пискатора⁶). Царь Давид удерживает Авессу от агрессии по отношению к Семею (2-я Царств: 9), который на первом плане этой гравюры бросает в царя и сынов Саруи камнями. Авесса намеревается обезглавить Се-

⁶ Библия Пискатора (Theatrum Biblicum). Амстердам: 1674. ОР РГБ Ф. 304/II № 370.1.

мея, но Давид принимает нападки со смирением. На изразце миротворческий сюжет превращается в воинский, благодаря подписи внимание заостряется на ситуации конфликта. По-видимому, это происходит из-за наличия атрибута: обнаженный или обнажаемый меч – маркер героической ситуации на изразцах. Человек с оружием в руках закономерно попадает в разряд удалых и доблестных героев, бросающих вызов и одерживающих победу. В двухфигурных композициях реплика обыкновенно принадлежит тому, кто берет верх, кто держит меч и казнит или добывает безоружного. Изразцовые сценки устроены так, что именно победитель оказывается главным героем этого сюжета.

Несмотря на растущую популярность в XVIII–XIX вв. мелодраматических тем, которые на изразцах проявляются в сюжетах о несчастных и пропащих, воинские сцены исключают сочувствие к жертве. Фигура с мечом автоматически переводит картинку из области сентиментального в область героического, из мелодрамы в триллер и боевик. Наглядный пример: на ростовских изразцах (РЯМЗ КП-27217/41 и КП-10058/377) одна и та же трафаретная фигура в восточных одеждах сжимает в руке то горящее сердце, то меч – реплика героя меняется соответственно с «не горит молча» (по мотивам эмблем № 253, № 643) на «никому не покорюсь». Именно атрибут, а не жест в данном случае задает сюжетную подпись.

Очень показательны бытование картинки из Библии Пискаatora со стражем темницы, который намеревается убить себя, полагая, что апостол Павел и другие узники бежали во время землетрясения (Деян. 16:27). На некоторых изразцах его сопровождает реплика, так или иначе подходящая к сюжету: «хочу себя погубить». Но на изразце из Палат Волковых-Юсуповых этот персонаж получает формульную героическую реплику: «Кто мне противу станет». В этом случае меч прочитывается не направленным на себя, а подготовленным к бою с неведомым противником. Вероятно, именно этот тип изразца описывает Ремизов, характеризуя героя, который «держит у груди кинжал»⁷. Очень похожий персонаж, ставший популярным героем изразцов, заносит меч над головой. Иногда его сопровождает девиз «неробкая верность», в контексте эмблемы связанный с самопожертвованием (ср. с эмблемой № 9), но чаще он тоже вписан в ситуацию вызова на поединок и ритуального героического хвастовства («кто мне противен», «храбрость моя непобедимая») (ил. 4).

⁷ Ремизов А.М. Печь: Изразцовое // Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 13: Россия в письменах. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2017. С. 17.

Ил. 4. Центральные фигуры с изреченьями на печках:
Юрьев-Польский (XVIII в.).
Палаты Волковых-Юсуповых, XVIII–XIX вв.

Распространенное риторическое вопрошание изреченьевых героев «кто исхитит?» восходит к девизу “Quis eripiet”. Он был размещен на титульном листе «Символы и эмблемата» 1705 г. среди эмблем, обрамляющих портрет Петра I. Высказывание относилось к жертве – псу, погибающему в когтях льва, – и превозносило могущество победителя. Несмотря на популярность девиза, слово «исхитить» в значении ‘избавить’, ‘спасти’ встречается на изреченьях лишь в немногих двухфигурных композициях⁸. Формально героем такого текста является жертва, что не подходит для героического сюжета. Впрочем, на изреченьях возникали сентиментальные сценки с близким смыслом, но совершенно иной иконографией, более подходящей для этого жанра. Изображался одиночный персонаж, попавший в неопределенную трудную ситуацию, просивший помощи – этот сюжет прочитывался благодаря жесту воздетых рук и тексту девиза «кто меня извлечет» (по эмблеме № 184) или его более частным вариациям: «кто меня утешит», «кто нам поможет», «кто бы нас проводил». В героическом же сюжете слово «исхитить» использовалось в значении ‘захватить’ – то есть ‘одолеть’, и девиз «кто меня исхитит» стал очередной формулой вызова на поединок. Поза персонажа, в уста которого вложены эти слова, могла быть пассивной, но, если художник изображал в качестве атрибута обнаженный меч, на изреченье постоянно появлялся этот текст.

⁸ Кузнецова О.А. Спасенья нет. ЗЕЛО. URL: <https://zelomi.ru/blog/srasenianet> (дата обращения 12.01.2023).

Вооруженные воины украшали печи с самого начала формирования традиции расписных изразцов в России. Героические качества, согласно устойчивым сюжетным схемам, могли проявиться прежде всего в бою, а потому изразцовые воины даже вне ситуации поединка репрезентовались как исключительные храбрецы, несмотря на то что в «Символы и эмблемата» нет текстово-героически близких девизов. «Храбро поступаю» – заявляет коленопреклоненный воин на изразцах Суздаля и ГИМ, тогда как на соответствующей гравюре из Библии Пискатора изображена сравнительно мирная сцена предстояния Урии перед царем Давидом (2 Цар. 11:7). Тот же текст произносят разнообразные всадники с саблями, шпагами и луками. «Храбрым воином» подписан даже безоружный Авессалом, запечатленный прямо перед своей нелепой гибелью⁹ – видимо, подпись сделана по аналогии с другими всадниками. Кроме того, несколько изразечников использовали изображение эпизодического персонажа из войска Гедонеа (Суд. 7:6) с выразительным щитом на спине, на суздальской печи его подписали: «Воин храбрый и сильный».

Сюжет с вооруженным воином, тем более всадником, – архетипический, постоянно встречающийся в разных видах искусства. Но в качестве близкого контекста для русской изразцовой культуры можно рассмотреть героические образы лубочных картинок XVIII–XIX вв. – в основном они представляют собой всадников, вооруженных копьями, саблями, мечами или пистолетами и наделенных традиционными эпитетами: «славный, сильный и храбрый»¹⁰. Характерно, что единообразные подписи получают и традиционные богатыри, и сказочные царевичи, и заимствованные из западноевропейской литературной традиции новомодные рыцари, и даже сомнительные герои: «сильный и славный храбрый воин Аника», «сильный богатырь» Соловей-Разбойник. «Сильный» ('могучий') имеет в русской литературе XVII в. традицию употребления, связанную с обозначением недруга, достойного противника, отчасти связанную с Псалтирью (Пс. 119: 4). Поэтому изразцовая подпись «сильного победих» – это всегда похвала героя, одержавшего нелегкую победу на глазах у зрителя. На одном из ростовских изразцов эти слова произносит герой, визуальной моделью которого стал не кто иной, как Каин, убивающий Авеля ослиной челюстью¹¹ [Антонов 2021,

⁹ Макогонова М.Л. Указ. соч. С. 42, 47.

¹⁰ Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. 1: Сказки и забавные листы. СПб.: Типография Академии наук, 1881. С. 40, 114, 122, 188.

¹¹ Макогонова М.Л. Указ. соч. С. 27–28.

с. 11]. Эта реплика постоянно сопровождает воина, вонзающего лезвие в шею склоненного, покоренного врага. А на одном из поздних, довольно небрежных изразцов с той же трафаретной картинкой из Палат Волковых-Юсуповых формула заменяется свободным комментарием победителя: «Сколю его скоро» (то есть ‘заколю’, ‘убью ударом меча’).

Сцены поединка были настолько востребованы на изразцах, что визуальной основой для них могли становиться и не самые очевидные персонажи гравюр. В одном из случаев в качестве модели была использована малоприметная и сравнительно мелкая фигура воина заднего плана с гравюры, изображающей батальную сцену: Иисус Навин разбивает аморейских царей (Нав. 10:9). Изразцовый воин с копьем, изображенный с правой стороны, имеет много общего со своим гравированным прототипом (к обычным изменениям, появляющимся при работе с источником мастера-непрофессионала, можно отнести разворот лица к зрителю, тип пера на шлеме, детали одежды и др.). Для сравнения: тот же воин изображен на изразце ростовской печи с традиционной подписью «храбро поступаю». А его безоружный противник, на которого направлено копье, возможно, является свободной вариацией фигуры того же воина с гравюры, изображенный зеркально и в более статичной позе (ил. 5). Победитель произносит текст «он мне покорен» – чаще такие слова обращены на изразцах к укрощенному животному (собаке, коню, слону) или фантастическому змею, и гораздо реже эта реплика сопровождает торжество человека над человеком (второй подобный пример – слуга кланяется хозяину: сценка из жизни народов Востока).

Помимо сведения трактовок большинства сцен насилия к сюжету о военных победах, на изразцах заметна тенденция к использованию хоррор-элемента. Похоже, что гравюра из Библии Пискатора со львом, убивающим пророка (3 Цар. 13:24), стала визуальным ориентиром для автора неподписанного балахнинского изразца XIX в.: на нем лишь отдаленно напоминающее льва чудовище со змеиным хвостом заглатывает голову человека или откусывает ее¹². Если в библейском сюжете важным моментом было сохранение хищником тела пророка, которое следовало похоронить, то на изразце зверь поглощает человека.

Изразцовые герои не знают милосердия, иначе сюжеты со сценами насилия не были бы столь будоражащими, а следовательно, популярными. Подобным образом жалость не актуализируется

¹² *Маслук С.А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1983. № 302.

Ил. 5. Фрагмент гравюры из Библии Пискатора (1674) и центральные фигуры с изразца на печи в Палатах Волковых-Юсуповых. XVIII–XIX вв.

по отношению к побежденному в традиционном русском эпосе, на что не раз обращали внимание исследователи: «Иван Гоудинович <...> жестоко наказывает Авдотью (Настасью), отрубая ей руки, ноги, губы, иногда и голову; иногда он не рубит головы и оставляет искалеченное туловище женщины погибать в степи. Мы не будем воспроизводить всех деталей той изысканной жестокости, с которой Иван Гоудинович расправляется с Настасьей. Сцена эта отвратительна, если понимать ее только как месть ревнивого мужа...»¹³. Становясь общим местом, суровый героический сюжет легко переходит в орнамент. Этим можно объяснить и появление многообразных отрубленных голов на изразцах в интерьерах XVIII–XIX вв., и инициал «V» в печатном Букваре Кариона Истомина, созданный, вероятно, с оглядкой на изображение торжествующей Юдифи с головой Олоферна в руке.

Литература

- Антонов 2021 – Антонов Д.И. Демон, заноза и ослиная челюсть: о некоторых курьезных мотивах русской иконографии // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 10. М.: РГГУ. 2021. С. 9–19.
- Антонов, Майзульс 2013 – Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М.: Неолит, 2013. 240 с.

¹³ Пронн В. Русский героический эпос М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. С. 179.

- Антонов, Майзульс 2020 – Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. 4-е изд., испр. и доп. М.: Неолит, 2020. 264 с.
- Мальшев 2021 – Мальшев А.А. Типология и стилистика насилия в петровских «Ведомостях» (1703–1727) // Неканоническая эстетика: Материалы VIII Апрельской междисциплинарной научной конференции. Вып. 8: Вся ненависть мира: Насилие в литературе и искусстве / Отв. ред. С.В. Денисенко. СПб.: Сам Полиграфист, 2021. С. 165–174.
- Некрылова 2021 – Некрылова А.Ф. Удары и драки как основа традиционного кукольного театра «Петрушка» // Неканоническая эстетика: Материалы VIII Апрельской междисциплинарной научной конференции. Вып. 8: Вся ненависть мира: Насилие в литературе и искусстве / Отв. ред. С.В. Денисенко. СПб.: Сам Полиграфист, 2021. С. 23–40.
- Пасквинелли 2009 – Пасквинелли Б. Жест и экспрессия / Пер. с итал. И.Е. Прусс. М.: Омега, 2009. 368 с.

References

- Antonov, D.I. (2021), “*Demon, splinter and the donkey jaw. One some peculiar motives of Russian iconography*”, in Antonov, D.I. and Khristoforova, O.B. (eds.), *In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya Sistema: Al'manakh* [Demonology as a semiotic system. Almanac], iss. 10, RGGU, Moscow, Russia, pp. 9–19.
- Antonov, D.I. and Mayzuls, M.R. (2013), *Anatomiya ada: Putevoditel' po drevnerusskoi vizual'noi demonologii* [Anatomy of hell. Guide for visual demonology in Medieval Russia], Neolit, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. and Mayzuls, M.R. (2020), *Anatomiya ada: Putevoditel' po drevnerusskoi vizual'noi demonologii* [Anatomy of hell. Guide for visual demonology in Medieval Russia], edition 4 (revised and enlarged), Neolit, Moscow, Russia.
- Malyshev, A.A. (2021), “Typology and stylistics of violence in Peter’s ‘Vedomosti’ newspaper (1703–1727)”, in Denisenko, S.V. (ed.), *Nekanonicheskaya estetika: Materialy VIII Aprel'skoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii. Vyp. 8: Vsyā nenavist' mira: Nasilie v literature i iskusstve* [Non-canonical aesthetics. Proceedings of the 8th April Interdisciplinary Scientific Conference, issue 8: All the hatred of the world. Violence in literature and art], Sam Poligrafist, Saint Petersburg, Russia, pp. 165–174.
- Necrylova, A.F. (2021), “Blows and fights as the basis of the traditional puppet theater ‘Petrushka’”, in Denisenko, S.V. (ed.), *Nekanonicheskaya estetika: Materialy VIII Aprel'skoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii. Vyp. 8: Vsyā nenavist' mira: Nasilie v literature i iskusstve* [Non-canonical aesthetics. Proceedings of the 8th April Interdisciplinary Scientific Conference, issue 8: All the hatred of the world. Violence in literature and art], Sam Poligrafist, Saint Petersburg, Russia, pp. 23–40.
- Pasquinelli, B. (2009), *Zhest i poza* [Gesture and expression], Omega, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ольга А. Кузнецова, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; o_kuznetsova@mail.ru

Information about the author

Olga A. Kuznetsova, Cand. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; o_kuznetsova@mail.ru